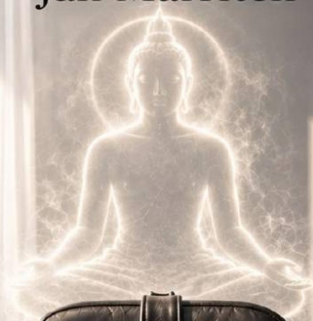

Jak Marriten

**КОКАИНОВЫЙ
БУДДА**

18+

Jak Marriten

Кокаиновый Будда

<https://litres.ru/73947784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олег приходит на собеседование в компанию «Колесо Инк.», потому что ему обещают зарплату. Он ещё не знает, что его новая должность называется «Визуализатор-Аскет», а его главная задача — хотеть за других. Чужие яхты, чужие повышения, чужие просветления. Олег должен переживать их так ярко, чтобы клиент оставался чистым, пустым и успешным. Так учит Бизнес-Будда Вадим, создатель методологии «Сухой Закон»: любое желание — это кармический долг.

Годами вдыхая чужую жадность через левую ноздрю, Олег совершает необъяснимое. Он достигает нирваны. Случайно. Просто потому, что у него не осталось ни одного собственного желания.

Но когда Будда поневоле пытается уволиться, система даёт сбой. Увольнение — это тоже желание, а значит, выбывание из нирваны. Олег становится идеальным сотрудником именно потому, что он мёртв для мира. Чтобы вернуть себе право хотеть — хотя бы круассан, хотя бы месть, — ему придётся пройти весь путь обратно: от абсолютного покоя к человеческому страданию.

Содержание

Глава 1. Вакансия: Никто	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кокаиновый Будда

Глава 1. Вакансия: Никто

Стеклянная дверь открылась прежде, чем Олег к ней прикоснулся.

Он замер на секунду — ровно на ту задержку, которая выдаёт в человеке гостя, а не хозяина положения, — и вошёл. Дверь за спиной закрылась с мягким, вкрадчивым звуком, какой бывает у дорогих автомобилей или гробов. Вестибюль встретил его запахом, который Олег не смог опознать, но который ему сразу не понравился. Пахло чем-то средним между ортопедическим матрасом и пустым конференц-залом в шесть вечера.

Так пахнет место, где люди проводят слишком много времени и слишком мало живут. Позже он узнает, что это смесь кондиционированного воздуха, бумаги для принтера и того, что в компании называли «ароматом чистой карьеры». Но сейчас он просто сморщил нос и пожалел, что не взял с собой платок.

Вестибюль был огромен. Метров пять в высоту, выложенный серым камнем с прожилками, напоминающими застывший дым. В центре — стойка ресепшена, длинная, как взлётная полоса, из материала, который Олег принял за мрамор, но, коснувшись края пальцем, понял, что это пластик высо-

кого давления. Искусственный мрамор. Искусственный камень. Искусственное всё.

Над стойкой висел экран, на котором транслировалась бегущая строка: «Колесо Инк. — ваш партнёр на пути к чистой карьере. Освободите себя от себя». Олег прочитал это дважды, но смысл ускользал — как вода сквозь пальцы, как всё в этом здании.

За стойкой сидела девушка. У неё была причёска, которую Олег сразу окрестил про себя «корпоративный шлем»: волосы убраны так туго, что кожа на висках натянулась, а брови слегка приподнялись, придавая лицу выражение вечного удивления, хотя сама девушка явно не удивлялась ничему уже много лет.

Ей можно было дать и двадцать пять, и тридцать пять — возраст терялся за слоем профессионального спокойствия. Она печатала что-то на клавиатуре, не глядя на экран, и её пальцы двигались с ритмичностью метронома.

— Вы к кому? — спросила она, не поднимая глаз.

Голос был ровный, без интонации. Не грубый, но и не приветливый. Так разговаривают люди, которым платят за то, чтобы они были лицом компании, но не душой.

— На собеседование. Вакансия...

Олег запнулся. Слова «Визуализатор-Аскет» звучали в его собственной голове так, будто их придумали пять минут назад в курилке люди с очень специфическим чувством юмора. Он нашёл эту вакансию три дня назад на сайте по трудо-

устройству, когда пролистывал уже третью сотню предложений и готов был согласиться на что угодно.

«Колесо Инк.» — гласило объявление — «ищет специалиста по внутренним ресурсам. Опыт не требуется. Требуется отсутствие опыта». Последняя фраза зацепила его своей бессмысленностью — а может, и не бессмысленностью вообще. Он кликнул, прочитал описание, ничего не понял, но зачем-то отправил резюме. Через час пришёл ответ с приглашением на собеседование. Ещё через час позвонил мужчина, представившийся Вадимом, и сказал странную фразу: «Вы нам подходите по предварительным параметрам».

Олег хотел спросить, по каким именно, но в трубке уже шли гудки.

— ...специалиста по внутренним ресурсам, — закончил он фразу, выбрав самое нейтральное из того, что значилось в письме.

Девушка подняла глаза. Вернее, не глаза — она подняла ресницы, а взгляд остался где-то на уровне груди Олега, чуть выше галстука. Она смотрела на него так, как смотрят на мебель — оценивая, впишется ли предмет в интерьер или придётся вынести в коридор.

— Вам назначено?

— Да. На десять тридцать. Олег, — он назвал фамилию.

Она сверилась с планшетом. Её палец скользнул по экрану — вверх, вниз, замер.

— Олег. Кандидат. Четвёртый этаж, переговорная «Про-

зрение». Кофе не предлагаю, — она сделала микроскопическую паузу, почти незаметную, но Олег её заметил, — вам пока нельзя.

— Почему?

— Правила компании. Кофеин создаёт ложное ощущение энергии, а ложные ощущения мешают ассессменту.

Олег хотел спросить, что такое ассессмент и почему о нём говорят так, будто это медицинская процедура, но передумал. Он учился не задавать лишних вопросов ещё на прошлой работе, где за каждый вопрос срезали премию, а за каждый незадаанный вопрос срезали премию тоже, потому что «специалист должен проявлять инициативу».

Та компания называлась «Горизонт Решений», и Олег провёл там четыре года в должности младшего аналитика, что на деле означало — переключивать цифры из одной таблицы в другую и делать вид, что занят. Его уволили три месяца назад по сокращению штата, но он знал: не по сокращению.

Его уволили потому, что он перестал хотеть. Не в философском смысле — в самом прямом. Он перестал хотеть эту работу, эти таблицы, эти совещания в девять утра, где люди с серьёзными лицами обсуждали вещи, которые не имели значения. Он перестал хотеть, и это стало заметно. Сначала коллегам, потом начальнику, потом — в зеркале по утрам.

— Бейдж, — девушка протянула ему пластиковый прямоугольник на синей ленте.

Олег взял. Бейдж был новенький, без царапин. На нём белым по синему: «Олег. Кандидат». Буквы были ровные, шрифт — без засечек, деловой. Под надписью — штрихкод, квадратик QR и маленькая голограмма с логотипом «Колеса Инк.»: круг, разорванный в одном месте, и внутри — тиснёная буква «К». Олег провёл пальцем по голограмме — она чуть заметно переливалась, как масляное пятно на воде.

Сзади бейджа была инструкция мелким шрифтом: «Носить на уровне груди. Не закрывать верхней одеждой. При выходе из здания сдать администратору. Передача третьим лицам запрещена и влечёт за собой кармическую ответственность согласно пункту 4.7 трудового договора». Кармическая ответственность. Он перечитал эти два слова и хмыкнул.

— Что-то не так? — спросила девушка.

— Нет, всё в порядке. Просто... «кармическая ответственность». Это юридический термин?

— У нас — да. Лифт справа. Четвёртый этаж. Не задерживайтесь.

Олег кивнул, повесил бейдж на шею и пошёл к лифтам. Их было три — три зеркальные кабины в ряд, и все три ждали с открытыми дверями, как будто никто в этом здании никуда не ездил. Он вошёл в центральный. Двери закрылись, и он оказался наедине с собой.

Лифт оказался зеркальным со всех четырёх сторон. Даже пол был зеркальным — тёмное стекло, в котором отражался

потолок, и от этого возникало головокружительное ощущение бесконечности. Олег увидел себя — спереди, сзади, сбоку, сверху, снизу, и все эти Олеги смотрели на него с разной степенью заинтересованности.

Центральный — прямо перед собой, руки по швам, пиджак сидит нормально, плечи ровные. Левый — чуть сутулый, голова наклонена, будто он пытается рассмотреть что-то на полу. Правый — развернулся вполоборота и, кажется, смотрит куда-то мимо. Задний — тот вообще стоял спиной и не оборачивался.

— Ну и компания, — сказал Олег вслух.

Четыре Олега произнесли это одновременно, но каждый со своей интонацией. Центральный — нейтрально. Левый — с сарказмом. Правый — устало. Задний — вообще не произнёс, просто махнул рукой, как бы говоря: «Да какая разница».

Олег разглядывал себя. Тридцать два года. Средний рост. Средний вес. Среднее лицо — такое, которое трудно описать, потому что в нём нет ничего выдающегося: нос прямой, глаза карие, подбородок нормальный, лоб нормальный, всё нормальное, всё в пределах погрешности. Волосы уже начали редеть на макушке, но пока это было заметно только ему самому и его парикмахеру, который каждый раз говорил:

«Ничего страшного, массаж головы — и всё пройдёт». Ничего не проходило, но Олег не переживал. Он вообще мало переживал в последнее время. Не потому что был споко-

ен, а потому что переживать — это тоже желание. Желание, чтобы ситуация изменилась. А он уже не верил, что ситуация может измениться.

Лифт тронулся. Беззвучно. Только цифры на табло поползли вверх: 2, 3, 4. На четвёртом этаже двери открылись с тем же мягким звуком, что и входная, и Олег вышел в коридор.

Коридор был белый. Не просто белый — БЕЛЫЙ. Такой белый, что глазам становилось больно, как от снега в солнечный день. Белые стены, белый пол, белый потолок. Светильники были спрятаны где-то за панелями и давали ровное, без теней, свечение. Казалось, что идёшь внутри лампочки. Создавалось впечатление, что архитектор, проектировавший этот этаж, очень боялся оскорбить чей-нибудь вкус, а заодно — чьё-нибудь зрение, обоняние, осязание и, возможно, бытие в целом. Здесь не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

Ни картин на стенах, ни растений в горшках, ни урн, ни стульев — ничего. Только двери. Одинаковые белые двери с матовыми стеклянными вставками и надписями.

Олег пошёл по коридору, читая таблички.

«Осознанность 1». За дверью — тишина. «Осознанность 2». Тоже тишина, но другого оттенка — более плотная, как будто за дверью кто-то есть, но молчит намеренно. «Рефлексия А», «Рефлексия Б». Дальше — «Инсайт», «Катарсис», «Синергия». Слова были знакомые, но в этом контексте они

казались иностранными, как будто их перевели с языка, на котором никто не говорит. Олег поймал себя на мысли, что идёт на цыпочках, хотя пол был твёрдый и шаги всё равно были бы слышны. Но он шёл на цыпочках. Потому что тишина в этом коридоре была такой, что нарушить её казалось преступлением.

«Прозрение». Та самая.

Перед дверью переговорной стоял стул. Единственный предмет мебели во всём коридоре. Обычный офисный стул на колёсиках, с подлокотниками и сетчатой спинкой. На сиденье лежала папка.

Олег оглянулся. Коридор был пуст. Тишина стояла такая, что он слышал собственное дыхание — медленное, чуть хрипкое — и слышал, как сердце отсчитывает удары. Он сделал шаг к стулу, и колёсико стула чуть скрипнуло — звук разнёсся по коридору, отразился от стен, вернулся. Олег вздрогнул. Потом взял папку и открыл.

На обложке было написано от руки: «Анкета соискателя. Форма К-0». Буквы были ровные, но не печатные — явно кто-то писал маркером, тщательно выводя каждую линию. Почерк был странный: слишком аккуратный для мужского, слишком крупный для женского. Как будто писал человек, который научился писать во взрослом возрасте и теперь делал это с особой тщательностью.

Внутри лежал один лист. Белый, плотный, с водяными знаками — приглядевшись, Олег различил в бумаге всё тот

же разорванный круг. Анкета содержала три графы.

Имя:(Олег вписал.)

Дата рождения:(Вписал. Ручка почему-то скрипела, хотя бумага была гладкая.)

Чего вы хотите прямо сейчас?

Он замер. Ручка зависла над бумагой в миллиметре от поверхности. Вопрос был простым. До безобразия простым. Именно эта простота и насторожила его — как настораживает слишком лёгкая задача на экзамене, где за простотой скрывается подвох.

Чего он хочет прямо сейчас?

Он хотел получить эту работу. Очевидно. Именно за этим он сюда пришёл. Но когда он попытался написать это — «получить эту работу» — рука не двинулась. Слова казались неправильными.

Не то чтобы ложью — но и не правдой. Он хотел эту работу не потому, что она ему нравилась. Он даже не понимал, в чём она заключается. Он хотел денег. Деньги — да. Это было честно. Но «прямо сейчас» он денег получить не мог. Деньги — это всегда потом. Прямо сейчас — это сейчас. В эту секунду.

Чего он хотел в эту секунду?

Пить. Хотелось пить. Во рту было сухо — не то от волнения, не то от кондиционированного воздуха, который сушил всё: кожу, горло, мысли. Можно было написать «воды». Но это казалось слишком мелко. Слишком телесно. Неуже-

ли из всех желаний, которые в нём жили, самым сильным была жажда? Или он просто не мог докопаться до того, что лежало глубже?

Он хотел, чтобы это собеседование закончилось.

Вот. Это было правдой. Он хотел, чтобы оно закончилось — не важно чем, отказом или приглашением, — лишь бы больше не стоять в этом белом коридоре под белыми лампами с ручкой в руке. Но написать такое в анкете — значило признаться в слабости. А он не хотел признаваться. Он вообще не хотел ничего показывать.

Он стоял над листом минуту. Две. Три. Время в этом коридоре текло иначе — медленно, густо, как сироп. Олег слышал, как где-то далеко, может быть этажом ниже, гудит вентиляция. Слышал, как в собственной груди бьётся сердце — ровно, спокойно, но с каким-то подтекстом. Как будто сердце тоже чего-то хотело, но не говорило.

Он написал: **«Не знаю».**

Бу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.